

СЕРГѢЙ ВОЛКОВЪ

Почему РФ — не Россия

ЧЁРНАЯ СОТНЯ × НОВОЕ ВРЕМЯ

С. В. ВОЛКОВЪ

Передь вами ознакомительный фрагментъ книги Сергѣя Владиміровича Волкова «Почему РФ — не Россія».

Книга описываетъ въ чёмъ состояла сущность дореволюціонной російской государственности, детально поясняетъ, чѣмъ традиціонные режимы отличаются отъ режимовъ новаго типа — демократическихъ и тоталитарныхъ. Столь же тщательно авторъ обосновываетъ, почему совѣтская государственность не только не преемственна російской, но прямо ей противоположна. Особое вниманіе С. В. Волковъ удѣляетъ событіямъ въ странѣ послѣ 1991 года, на живыхъ примѣрахъ показываетъ пороки современности, унаслѣдованные отъ совѣтской власти, ставитъ на повѣстку дня нерѣшенные вопросы правопреемства Россіи настоящаго съ Россіей прошлаго.

Приобрести книгу можно на сайте издательства:

chernaya100.com

Почему РФ — не Россія

Чёрная Сотня
Нижній Новгородъ

Новое Время
Магаданъ

2020–2021

Предисловіє

Согласно статѣ первой Конституції Россійской Федерації наименованіе Россійская Федерация и Россія равнозначны. Однако, несмотря на то же имя, нахождение на той же территории, что и до большевизкаго переворота, пусть и урѣзанной въ размѣрѣ, съ тѣмъ же языкомъ, пусть и упрощѣннымъ, и тѣмъ же составомъ населенія, — Россія какъ бы не Россія. Точнѣе, федеративное государственное образованіе, скроенное по большевизкимъ лекаламъ, не есть Россія съ исторической и юридической точекъ зрѣнія, несмотря на то что называется Россіей. Оно осколокъ потерпѣвшаго крахъ проекта земшарной республики совѣтовъ, частью коего — далеко не самой важной — должна была стать Россія; на дѣлѣ же вышло, что изъ ея тѣла вырѣзали часть территории для созданія республикъ съ цѣлью объединенія въ союзъ, имѣющей яркіе признаки конфедерации (право свободного выхода составныхъ частей), несмотря на отсутствіе термина «конфедерация» въ законодательствѣ. Свидѣтельствомъ того, что нынѣшняя Россія — осколокъ неудавшагося большевизкаго проекта, а не самобытная держава, служитъ сохраняющееся неизмѣннымъ большевизское административно-территориальное дѣленіе государства, на корню противоположное существовавшему дѣленію нашей страны до революціи. И дѣло совсѣмъ не въ различныхъ формахъ правленія: подлинная Россія — даже и республика — будетъ имѣть территориальное устройство, юридически и исторически связанное съ таковымъ въ монархической Россіи, хотя и безъ полнаго тождества названій регионовъ.

Между прочимъ, наименованіе Россійская Федерация существовало въ годы совѣтской власти — хотя оно не было закрѣплено въ основномъ законѣ союзной республики, но использовалось въ качествѣ полуофициальнаго. Какъ легко догадаться, такъ кратко называли Россійскую Совѣтскую Федеративную Соціалистическую Республику, когда не использовали аббревиатуру

РСФСР. Напримѣръ, при перечисленіи союзныхъ республикъ: Бѣлоруссія, Латвія, Молдавія, Россійская Федерация, Узбекистанъ, Украина и т. д. Собственно, при созданіи Союза ССР въ него вошли двѣ федерации — Россійская и Закавказская; послѣдняя передъ принятіемъ конституціи СССР 1936 года была расформирована, и на ея мѣстѣ вновь образованы Азербайджанская, Армянская и Грузинская ССР. То есть сегодняшнее имя страны напрямую связано съ совѣтскимъ тоталитарнымъ режимомъ — давно использовавшемуся наименованію просто придали статусъ официальнаго.

«Почему РФ — не Россія» — книга оптимистичная, какъ ни покажется страннымъ такой выводъ, если судить только по ея названію. Читая книгу, мы наглядно видимъ, что не такъ въ нашемъ домѣ; живой языкъ и захватывающая манера повѣствованія образованнѣйшаго русскаго интеллектуала помогаютъ быстро и чѣтко увидѣть пороки современности, первый и коренной изъ коихъ — не разорванная ещё связь съ совдепией.

Въ нашей жизни мы постоянно сталкиваемся съ послѣдствіями 1917го (сей годъ насъ никакъ не покидаетъ), но не всегда хватаетъ времени и силъ сдѣлать логическое обобщеніе, собрать въ единое цѣлое куски одной мозаики. Сергѣй Владиміровичъ помогъ намъ въ этомъ, причѣмъ справился съ поставленной задачей блестяще — эрудированно, безъ лишнихъ преувеличеній и безъ приукрашиваній.

«Почему РФ — не Россія» — ключъ къ пониманію нашихъ проблемъ, къ осознанію глубины нашего паденія.

Не разобравшись въ ошибкахъ и не преодолевъ ихъ, мы не сумѣемъ выполнить главнѣйшую задачу, стоящую предъ нами послѣ 1991 года, — восстановленіе связующей нити съ прошлымъ, возвращеніе Россіи. Книга Сергѣя Владиміровича помогаетъ это сдѣлать. Въ этомъ ея оптимизмъ, скрытый отъ постороннихъ глазъ.

Рекомендую сію книгу всѣмъ ревнителямъ прошлаго и поборникамъ будущаго, волнующимся о судьбахъ Россіи.

*Михаиль Спартакевичъ Тейкинъ,
юристъ, лингвистъ, редакторъ*

Магаданъ, 8/21 января 2019

Введение

Уже почти тридцатилетнее существование «постсоветской» государственности, присвоившей некоторые атрибуты исторической России, свидетельствует, что нынешняя Российская Федерация не только не захотела и не стала ее правопреемницей, но и не имеет с ней ничего общего. Вполне логично, что в дискуссиях о путях развития страны реально прослуживаются только два подхода: попытка строительства с нуля с опорой на современные образцы и модификация советско-коммунистического наследия. Опыт реально-исторической России не находит спроса, обращение к нему ограничивается чисто спекулятивным использованием символики и мнимых «традиций». Иное вряд ли было возможным, учитывая те обстоятельства, в которых происходила гибель исторической России. Факторы, обусловившие пресечение исторической традиции российской государственности в начале XX века и неостребованность ее наследия в конце того же столетия, продолжают действовать и до сих пор.

Старая Россия ушла для нас на дно, как Атлантида, традиция радикально прервана, а поколения родившихся в 50^х — последнее, заставшее еще в живых ее людей. Двух поколений, выросших при советской власти, оказалось больше чем достаточно, чтобы представление о реалиях исторической России в общественном сознании было полностью утрачено. Российская империя продолжает оставаться объектом мифотворчества. К сохранившимся в основном стереотипам советского времени добавились искаженные представления, порожденные «демократической», «патриотической» и национал-большевистской публицистикой, причём ими зачастую вычленяются и постулируются одни и те же, по существу неверные, «родовые черты», якобы присущие исторической России, которым лишь дается противоположная оценка.

Причина вполне очевидна: революция, положившая конец российской государственности, отличалась от большинства известных тем, что полностью уничтожила (истребив или изгнав) российскую культурно-государственную элиту — носительницу ее духа и традиций и заменила ее антиэлитой в виде слоя советских образованцев с небольшой примесью в виде отрешившихся от России, приспособившихся и добровольно и полностью осоветившихся представителей старого образованного слоя. Из среды этой, уже чисто советской общности, и вышли теоретики и «философы истории» нашего времени всех направлений — как конформисты, так и диссиденты, как приверженцы советского строя, так и борцы против него, нынешние коммунисты, демократы и патриоты. Социальная самоидентификация пишущих накладывает на освещение проблем российской истории сильнейший отпечаток. Реально существовавшая дореволюционная культура абсолютному большинству представителей советской интеллигенции «социально чужда». Лишь, сознательно ориентирующихся на старую культуру, среди нынешних интеллигентов относительно немного: такая ориентация не связана жестко с происхождением (создающим для нее только дополнительный стимул), а зависит в основном от предпочтений, выработавшихся в ходе саморазвития, а именно условия становления личности интеллектуала в советский период менее всего располагали к выбору в пользу этой культуры.

В основе представлений о российской государственной традиции лежит образ некой «русской системы», которую одни воспринимают как абсолютное зло, в интересах процветания страны подлежащее безусловному искоренению, другие — как драгоценное выражение самобытности, долженствующее быть положенным в основу дальнейшего развития. То обстоятельство, что эта мыслимая конструкция имеет мало общего с реально существовавшей исторической Россией — Российской империей — такой, какая она была ко времени своей гибели и какой должна была стать, если бы ее развитие не было насильственно прервано, и тем, и другие предпочитают игнорировать. На эту конструкцию обычно никто и не посягает, лишь трактуя ее с оценкой «плюс» или «минус». Основные ее черты (насколько можно составить представление по многочисленным публикациям на эту тему) суть следующие.

Базовой чертой «русской системы» принято считать «тоталитарное сознание», симбиоз рабства и деспотизма, патологическую склонность к коллективизму вообще («общинное начало») и социализму в частности. Соответственно с этим революция представляет собой закономерное проявление «русского духа», периодически воспроизводящего себя в обновлённой оболочке, а советский режим в целом и сталинизм особенно — естественную форму бытия. Основным смыслом этих представлений состоит в отождествлении исторической России с СССР, т. е. эта связка для одних служит отрицанием российской государственности, для других — утверждению советской.

Российской государственности в области внешней политики приписывается сочетание изоляционизма (находящего выражение в нетерпимости к намечающимся покинуть страну). С неубузданной агрессивностью, маниакальным стремлением к господству ради господства, даже лишённого экономических стимулов, приверженности всемирно-историческому мессианству, идею судьбоносной мировой роли. Иногда представления о подобном «самомнении» России весьма противоречиво совмещаются с утверждением, что она, вечно находясь (по причине непривлекательных свойств своей природы) в положении отщепенки среди цивилизованных стран, проникнута чувством неполноценности и потребностью в самоутверждении в глазах соседей.

Что касается российской власти, то ей почитаются свойственными экстремальный деспотизм, крайний этатизм, бюрократизм, гипертрофированный рост государственного аппарата, огосударствление экономики, практика национального гнёта и ксенофобия. Российская элита воспринимается как замкнутая наподобие касты корпорация, состоящая из невежественных, малокультурных и нечистоплотных лиц, препятствующих проникновению в их среду соответственно образованных, культурных и порядочных людей, каковые, не находя себе применения, образуют интеллигенцию и играют роль «луча света в тёмном царстве». Особенностью российского общества являются также неразвитость личности, духовная скудость и связанные с этим такие черты характера, как жестокость, неспособность к восприятию иной культурной среды, склонность к доносительству, враждебность плюрализму, конформизму.

Совокупность всех этих свойств российской государственности противопоставляется некоторому образцу, свойственному

странам «Европы» или «Запада», причём из такого противопоставления прямо следует «онтологическая» враждебность ей этому миру. Те, кто склонны подобным качествам в основном признавать, но считать положительными (используя относительно них несколько иную терминологию: не «ксенофобия», а «патриотизм», не «конформизм», а «верность» и т. д.), с такой постановкой вопроса совершенно согласны, только агрессивной стороной почитают не Россию, а Запад (не могущий примириться с существованием страны — средоточия столь высоких моральных качеств, ему категорически отвратительных). Совместными усилиями сторон в общественном сознании складывается весьма далёкая от исторической реальности картина взаимоотношений России с другими европейскими странами.

При отождествлении России с СССР и противопоставлении ей всем остальным европейским странам просматриваются следующие основные «методики»: 1) неправомерное перенесение вполне очевидных реалий, свойственных советско-коммунистическому режиму, на историческую Россию; 2) гипертрофирование действительных различий между Россией и некоторыми странами Европы и придание им принципиального характера; 3) отрыв от историко-культурного фона — трактовка черт, присущих лишь определённому периоду российской истории, как общих для нея, и игнорирование подобных же в других странах; 4) игнорирование того факта, что различия между самими европейскими странами или группами таких стран никак не менее существенны, чем различия между любой из них и Россией; 5) смешение понятий, лежащих в разных плоскостях или принадлежащих разным историческим эпохам (в частности, «тоталитаризма» и «авторитаризма»); 6) использование вульгарных и поверхностных аналогий (например, сравнение советской номенклатуры с дворянством и чиновничеством) и манипуляция стереотипами.

Сложившиеся в общественном сознании представления не должны, в общем, вызывать удивление, учитывая обстоятельства, в которых формировались представления о прошлом ныне живущих поколений. Разумеется, и в любом случае знакомство с историей основной массы населения может быть только самым поверхностным, но в нашей стране

дѣйствовали и факторы совершенно специфическіе. Съ точки зрѣнія людей, захватившихъ въ 1917 году власть на территоріи Россійской имперіи, подлинная исторія съ нихъ же и начиналась, а «предысторія» не только не заслуживала изученія (за исключеніемъ ряда специфическихъ сторонъ, прямо связанныхъ съ ихъ идеологіей), но была для дѣла ихъ вредна и опасна. Была принята идея (наиболѣе выразительно сформулированная тестемъ Н. И. Бухарина Ю. Ларинымъ) перейти къ изображенію исторіи «большимъ мазкомъ» — отъ каменнаго вѣка къ «исторіи послѣднихъ десятилѣтій», то есть «тому ряду событій, какой непосредственно связанъ съ пониманіемъ современнаго положенія», оставивъ за рамками изученія Ивана Калиту, Владиміра Мономаха, крестовые походы, Наполеона и т. п. Вершиннымъ достиженіемъ такого подхода былъ пресловутый трудъ М. Покровскаго «Русская исторія въ самомъ сжатомъ очеркѣ», въ которомъ фактической матеріалъ практически отсутствовалъ, замѣненный наборомъ абстрактныхъ схемъ.

Болѣе того, до середины 30^х годовъ преподаваніе исторіи было вовсе запрещено, да и потомъ, когда оно было возстановлено, информативность школьных и вузовскихъ учебниковъ была потрясающе низка (особенно снизившись въ концѣ 50^х — началѣ 60^х годовъ) и просто несопоставима съ дореволюціонными и зарубежными; по большому счету изученіе исторіи до конца 80^х годовъ такъ и осталось въ руслѣ идеи «большого мазка». Историческіе курсы практически дублировали курсъ обществовѣдѣнія и давали крайне скудные знанія по конкретной гражданской исторіи. Для коммунистическаго режима преподаваніе и изученіе исторіи никогда не представляло самостоятельной цѣнности, оно призвано было на конкретныхъ примѣрахъ подтверждать правоту марксистско-ленинскаго ученія и неизбѣжно носило комментаторскій, иллюстративный характеръ. При такомъ подходѣ исторія страны до 1917 года представляла собой исторію «классовой борьбы», а послѣ — исторію КПСС. Результатомъ представленій о сравнительной важности «исторіи» и «предысторіи» стало то, что вся исторія Россіи до XIX вѣка была втиснута въ одинъ небольшой учебникъ и занимала въ курсѣ отечественной исторіи едва ли одну шестую часть, зато нѣсколькимъ послѣднимъ десятилѣтіямъ въ программѣ отводилось болѣе мѣста, чѣмъ всѣмъ предшествующимъ тысячелѣтіямъ человеческой исторіи.

Наконецъ, въ совѣтской школѣ исторія воспринималась едва ли не въ большей мѣрѣ по курсу литературы (который былъ составленъ соответствующимъ же образомъ), поскольку яркіе литературные образы несравненно лучше и прочнѣе входили въ сознаніе учащихся (какъ и всякаго человѣка). Увы, до сихъ поръ большей частью представленій о прошломъ мы обязаны не фактамъ, а мнѣніямъ «уважаемыхъ людей». Обученіе исторіи по литературѣ имѣло слѣдствіемъ не только то, что исторія стала восприниматься какъ литература, но и культъ «авторитетовъ», безъ осмысленія того, что данный человѣкъ могъ знать въ каждомъ конкретномъ случаѣ. Прямымъ слѣдствіемъ этого стало то, что слой лицъ, которые непосредственно формировали общественное мнѣніе какъ до, такъ и особенно послѣ начала 90^х годовъ (журналисты, публицисты, историки-популяризаторы и даже историки-учѣные), оперировали не столько цифрами и фактами, сколько высказываніями извѣстныхъ лицъ, цитатами изъ мемуаровъ, даже не ставя вопросъ о степени ихъ достоверности и представительности (между тѣмъ для человѣка его личныя впечатлѣнія всегда важнѣе, а бросаются въ глаза, производятъ впечатлѣніе и запоминаются прежде всего какъ разъ исключенія, а не обычные вещи). Жонглированіе яркими примѣрами и до сихъ поръ остаѣтся основой аргументаціи при обращеніи къ широкой аудиторіи, и искаженіе реальной картины чаще всего происходитъ именно оттого, что исключенія и правило мѣняются мѣстами. Какъ ни смѣшно, но до сихъ поръ для большей части населенія главнымъ источникомъ представленій о Россійской имперіи конца XVIII — начала XX вѣка является сатирическая беллетристика (хотя писать исторію СССР, имѣя въ качествѣ основного источника журналъ «Крокодилъ», почему-то никому въ голову не пришло).

Между тѣмъ по объѣму публиковавшейся фактической информации императорская Россія несопоставима съ совѣтской (въ справочникахъ можно найти информацию о владѣльцѣ мясной лавки въ заштатномъ городѣ или телеграфистѣ на забайкальской станціи, но не о совѣтскомъ замминистрѣ), но самъ фактъ ея существованія остаѣтся для нашихъ современниковъ по большей части неизвѣстнымъ. Въ свое время крупнымъ успѣхомъ «гласности» почиталась публикація въ «Извѣстіяхъ» нѣсколькихъ строкъ о вновь назначаемыхъ министрахъ. Когда въ концѣ 90^х годовъ вице-премьеръ очень гордился тѣмъ, что «мы впервые

за всю многовѣковую исторію Россіи заставили чиновниковъ обнародовать свѣдѣнія о доходахъ», некому было рассказать ему, что до 1917 года ежегодно (2–3 раза въ годъ) публиковались списки гражданскимъ чинамъ I–IV классовъ (IV классъ — уровень университетскаго профессора, директора гимназіи и т. п.), гдѣ не только подробнѣйшимъ образомъ было расписано получаемое на службѣ содержаніе (со всѣми столовыми, квартирными, добавочными и т. д.), но имѣлись и не менѣе подробныя свѣдѣнія о томъ, какое за нимъ лично и какое за женой имѣется имущество, причѣмъ раздѣльно указывалось родовое и благопріобрѣтѣнное (до такихъ высотъ современная государственная мысль подниматься не рискуетъ). Справочниковъ — ежегодныхъ (а то и ежемѣсячныхъ) — издавалось огромное количество, причѣмъ одновременно и по чинамъ, и по вѣдомствамъ, и по губерніямъ, и они охватывали практически всѣхъ лицъ, состоявшихъ на военной или гражданской службѣ вплоть до самыхъ низшихъ, въ томъ числѣ и тѣхъ вѣдомствъ, бытіе которыхъ въ СССР было покрыто глубочайшей тайной (чего стоитъ, напримѣръ, издававшійся 2–3 раза въ годъ «Общій составъ Отдѣльнаго корпуса жандармовъ»). А вообще, чтобы представить себѣ, чѣмъ была старая Россія и было ли тамъ, къ примѣру, «гражданское общество», достаточно полистать какую-нибудь губернскую «Памятную книжку», обнаруживъ въ каждомъ уѣздѣ десятка полтора дѣйствительно самостоятельныхъ обществъ, созданныхъ жителями (мѣщанами, крестьянами) безъ всякой команды сверху — отъ «взаимнаго кредита» до «покровительства животнымъ».

Отъ старой Россіи много чего осталось, но похоже, что люди просто не хотятъ знать, какой она была на самомъ дѣлѣ. Вмѣсто того чтобы эмоционально дискутировать о степени ея «цивилизованности», логичнѣе было бы просто посмотреть, какъ рѣшались въ ея законахъ тѣ или иные вопросы, были ли вообще сколько-нибудь замѣтны отличія отъ другихъ странъ въ сферахъ, напримѣръ, свободы предпринимательства, финансового и административнаго права и т. п. Огромное по объѣму, логичное и тщательно детализированное законодательство имперіи наглядно свидѣтельствуетъ, что она была совершенно нормальнымъ европейскимъ государствомъ, стоявшимъ вполне на уровнѣ своего времени, а по ряду вопросовъ выглядѣвшимъ даже «прогрессивнѣе» многихъ изъ нихъ. Но, судя по крайней рѣдкости обращенія какъ къ корпусу русскіихъ законовъ, такъ

и вообще къ массовому матеріалу (скажемъ, судебной практикѣ), желающихъ въ этомъ убѣдиться весьма мало.

Впрочемъ, когда дѣло касается созданія мифологическаго образа, игнорируются даже вполне очевидныя общедоступныя факты, а обычныя для всякаго государства вещи подаются какъ русскіе специфика. И хотя давно уже знакомиться съ достоверной информацией о старой Россіи не возбраняется и въ послѣдніе годы появилось немало серьезныхъ и обстоятельныхъ работъ, освѣщающихъ реалии ея бытія, существенныхъ сдвиговъ въ общественномъ сознаніи не произошло, и представленія объ основныхъ чертахъ, создавшихъ своеобразие Россійской имперіи: особенности территориальнаго роста, положеніе ея среди европейскихъ странъ, характеръ политическаго режима, составъ ея элиты, — остаются въ рамкахъ «тоталитарной» парадигмы.

Вотъ почему представляется важнымъ, во-первыхъ, обратить вниманіе именно на эти особенности реально-исторической Россіи, во-вторыхъ, осмыслить масштабы и послѣдствія радикальнаго слома русскіихъ государственности большевиками, прослѣдивъ основныя обстоятельства, обеспечившія полный разрывъ государственной и историко-культурной преемственности между ней и совѣтскимъ государствомъ, и, въ-третьихъ, очертить тѣ факторы «постперестроечнаго» общественного сознания и политическихъ тенденцій современности, которые воспрепятствовали восстановленію традицій русскіихъ государственности послѣ формальной отмѣны коммунистическаго режима.

Совокупность этихъ обстоятельствъ позволяетъ констатировать, что существующее нынѣ образованіе подъ названіемъ «Россійская Федерация» — не Россія въ государственно-историческомъ значеніи этого слова: въ томъ смыслѣ, что оно не является продолжателемъ исторически существовавшаго русскіихъ государства и не имѣетъ къ нему никакого отношенія. Только объ этомъ и идѣтъ рѣчь въ настоящей книгѣ, поскольку, разумѣется, территорію РФ продолжаетъ населять въ основномъ то же самое въ этническомъ планѣ населеніе, основу котораго составляетъ русскій народъ, сохраняющій основныя свои генетическія черты, на ея территоріи господствуетъ (пусть и въ усѣченномъ видѣ) русскій языкъ, а въ культурной сферѣ сохраняются отдѣльныя черты русской культуры предшествующихъ столѣтій.

1.

Россійская имперія
какъ реальность

Въ настоящее время хорошо замѣтно, что въ словарѣ демиурговъ общественнаго мнѣнія «имперское сознание» (на практикѣ примѣняемое исключительно къ россійской государственности) превратилось въ популярный символъ зла, оно часто даже выступаетъ въ качествѣ первопричины всѣхъ другихъ золъ. На всякое же упоминаніе имперіи въ положительномъ смыслѣ слѣдуетъ реакція: «Ну вѣдь всѣ имперіи когда-нибудь рушатся» (аргументъ восхитительной наивности: отдѣльный человѣкъ гарантированно помираетъ въ ещё меньшій срокъ, а какой-то смыслъ въ своёмъ существованіи ухитряется находить).

Впрочемъ, если агитація противъ одной имперіи въ пользу другой понятна (какъ говорилъ Ницше, «тщеславіе другихъ не нравится намъ тогда, когда идѣтъ противъ нашего тщеславія») и имѣетъ смыслъ, то борьба съ имперскимъ сознаниемъ какъ таковымъ — дѣло достаточно безнадежное. Тому, что можетъ въ принципѣ претендовать на имперскость, оно присуще имманентно, а тому, что завѣдомо не можетъ, — вовсе не свойственно. Имперіи рушатся, конечно (имѣющее начало имѣетъ и конецъ), но до этого существуютъ многія столѣтія. А когда рушатся, имъ на смѣну приходятъ другія. Болѣе того, гибель однѣхъ имперій есть необходимое условіе для созданія новыхъ.

Въ обиходѣ терминъ «имперія» столь же расплывчатъ и неопредѣленъ, какъ, на примѣръ, «интеллигенція». Но вообще-то на практикѣ онъ равнозначенъ понятію «великая держава»,

соотвѣтственно имперіализмъ и великодержавность практически синонимы. Понятно, что это, какъ минимумъ, государство, вышедшее за предѣлы этническихъ границъ, имѣющее нѣкоторое ядро и подвластныя территоріи. Можно по вкусу добавлять какіе-то ещё признаки, но они, кажется, вовсе не обязательны, потому что имперіи могутъ имѣть самую разную структуру, систему власти, составъ, порядокъ національныхъ отношеній и т. п.

Собственно, вся человѣческая исторія есть исторія возникновения, борьбы и гибели разнообразныхъ имперій. Ни одному государству ещё не удавалось стать великой державой, не будучи имперіей, т. е. оставаясь моноэтническимъ и въ предѣлахъ своей изначальной территоріи. Созданіе имперій есть результатъ свойственного всему живому стремленія къ экспансіи, поэтому нѣтъ ничего болѣе естественнаго, чѣмъ ихъ созданіе и гибель въ борьбѣ съ подобнымъ же стремленіемъ другого организма. Даже относительно небольшія страны, въ силу разныхъ обстоятельствъ получившія вдругъ нѣкоторыя преимущества, непременно пользовались ими для экспансіи. Португалія, въ концѣ XV вѣка первая освоившая путь на Востокъ, Голландія, создавшая въ XVII вѣкѣ наиболѣе многочисленный въ Европѣ флотъ, Швеція, превратившая послѣ Тридцатилѣтней войны и до начала XVIII вѣка Балтику въ своё озеро, — на нѣсколько десятилѣтій становились вровень съ первыми государствами Европы.

Хотя идеологія имперская и націоналистическая и противоположны по смыслу и духу, но едва ли можно сказать то же самое о національной и имперской государственности. Прежде всего потому, что безъ перваго не бываетъ втораго, одна перетекаетъ въ другую и обратно. Фундаментъ любой имперіи чаще всего составляетъ національное ядро, вокругъ котораго затѣмъ и строится имперія. Главная имперія нашихъ дней — США, хотя и имѣетъ какъ бы вторичный характеръ, прошла классическій путь территоріальной экспансіи отъ объединенія узкой полосы образованій на Восточномъ побережьи до контроля надъ сопредѣльными океанами. Несмотря на завозъ негровъ, отвоеваніе у Мексики огромныхъ территорій, населенныхъ «латиносами», массовую эмиграцію ирландскихъ и итальянскихъ католиковъ, образъ американца — это до сихъ поръ образъ блага англо-протестанта (хоть доля ихъ и снижается). Въ какомъ-то смыслѣ созданіе имперіи есть торжество и свидѣтельство состоятельности нѣкоторой національной государственности.

Процесс превращения национального государства в империю, при поражении снова ужимающегося в первобытное состояние, а затем вновь возсоздающего империю (пусть в несколько иных границах), — самый обычный процесс, прослеживаемый на многих исторических примѣрахъ.

Конструкция империи можетъ выглядѣть по-разному. Въ одномъ случаѣ она можетъ быть почти мононациональной (если население смежныхъ территорий истреблено или ассимилировано), какъ Германская до заморской экспансии, въ другомъ имперообразующий этносъ абсолютно преобладаетъ, имѣя инонациональную периферию (большинство континентальныхъ имперій), иногда можетъ составлять даже меньшинство, какъ въ Австрійской (въ этихъ случаяхъ единство обеспечивается либо династической традиціей, либо культурнымъ, либо чисто военнымъ преобладаніемъ даннаго этноса), иной случай — мононациональная метрополія при заморскихъ колоніяхъ, иной — плавильный котѣль (основной этносъ можетъ занимать компактную территорию, причѣмъ не обязательно въ центрѣ, а можетъ и не занимать) и т. д. Наконецъ, имперія можетъ формально и не включать въ свои границы конгломератъ зависимыхъ отъ нея вассальныхъ и маріонеточныхъ государствъ.

Но всё-таки имперія есть прежде всего государство, и ея цѣли не отличаются отъ цѣлей любого государства: продолжать своё существованіе въ вѣкахъ возможно болѣе успешно. Никакая имперія не можетъ ставить себѣ цѣлей, лежащихъ за этими предѣлами и означающихъ переходъ въ другое качество, т. е. самоуничтоженіе. Никогда ещё ни одной имперіи не удавалось, напримѣръ, установить міровое господство, а если такая мысль въ пылу успѣховъ иногда и возникала, то невозможность ея быстро становилась очевидной даже самымъ честолюбивымъ завоевателямъ.

Образованія же, создаваемые для реализаціи какой-либо всемірной идеи, то есть выходящей за рамки не только національныхъ, но и вообще всякихъ государственныхъ (въ томъ числѣ имперскихъ) границъ, представляютъ собой качественно иное явленіе. Поэтому не былъ, напримѣръ, имперіей при всѣхъ внѣшнихъ атрибутахъ (многонациональность, имперская политика и т. д.) СССР. Онъ былъ зародышемъ (только не реализовавшимся и потому вынужденнымъ играть въ настоящее государство) **всемірнаго** государства, призваннаго воплотить

извѣстную идею и отмереть. И если США дѣйствительно выдвинутся на роль реализатора идеи глобализаціи и будущаго центра мірового правительства, то это будетъ означать переходъ нынѣшней американской имперіи въ совершенно иное качество. Точно такъ же, если идея, напримѣръ, Великаго Турана есть идея вполне имперская, предполагающая конкретныя національно-территориальныя очертанія, то идея Всемірнаго Халифата — идея того же рода, что названныя выше.

ТЕРРИТОРІЯ

Россійская имперія въ контекстѣ всемірной исторіи представляетъ собой явленіе вполне закономѣрное. Достигнутое Россіей геополитическое положеніе было однимъ изъ важнѣйшихъ залоговъ ея величія какъ явленія міровой цивилизаціи. Для существованія во враждебномъ окруженіи (а міровая исторія есть исторія «борьбы всѣхъ противъ всѣхъ») необходимо обладать достаточнымъ населеніемъ и территоріей, позволяющими мобилизовать военно-экономическій потенциалъ для противостоянія внѣшнему воздѣйствію и утверждения своихъ интересовъ на международной аренѣ. Во всякомъ случаѣ, важнѣйшей составной частью стратегическаго потенциала есть достиженіе естественныхъ границъ, т. е. такихъ внѣшнихъ рубежей, которые обеспечиваютъ геополитическую безопасность. И императорская Россія въ высшей степени отвѣчала этимъ условіямъ.

Ея территориальное расширеніе и участіе въ европейской политикѣ было вполне традиционнымъ и исторически обусловленнымъ. Россійская имперія являлась въ этомъ отношеніи (какъ и въ другихъ) наслѣдницей и продолжательницей Кіевской Руси, которая, съ одной стороны, была европейской имперіей, а съ другой — традиционнымъ направлениемъ ея экспансии были Востокъ и Югъ. Московское царство, принявшее эстафету россійской государственности послѣ крушенія Кіевской Руси, было лишь преддверіемъ, подготовкой къ созданію Россійской имперіи, т. е. достиженію россійской государственностью всей полноты ея величія и могущества. Московская Русь, хотя и оставалась до конца XVII вѣка лишь «заготовкой» будущей возрожденной имперіи и не была въ состояніи по своему внутреннему несовершенству

и несоответствию достигнутому к этому времени в мирѣ уровню военно-экономических возможностей вернуть европейскія территории Киевскаго періода, тѣмъ не менѣе по сути своей тоже была имперіей, включая въ свой составъ болѣе чѣмъ наполовину территории, чуждыя въ культурномъ и этническомъ отношеніи русскому народу, которыя она, тѣмъ не менѣе, интенсивно осваивала и «переваривала».

Собственно, то значеніе, которое обрѣла въ мирѣ Россія съ принятіемъ православія, неотдѣлимо отъ идеи имперіи. Идея Россіи какъ Третьяго Рима и въ религіозномъ, и въ геополитическомъ аспектѣ возможна только какъ идея имперская. Само православіе — религія не племенная, не національная, а имперская по самой сути своей. Если имперіями были и Первый, и Второй Римъ, то тѣмъ болѣе ничѣмъ инымъ не могъ быть Римъ Третій. Такимъ образомъ, идея, лежавшая въ основѣ Московскаго царства, была вполне органичной. Другое дѣло, что это царство оказалось не на высотѣ поставленныхъ задачъ и не было способно ихъ осуществить.

Вся исторія Московскаго періода была исторіей борьбы за возрожденіе утраченнаго значенія русской государственности. Длительной, но по большому счету малоуспѣшной. Достаточно показателенъ уже тотъ фактъ, что (какъ было подсчитано еще С. М. Соловьёвымъ) за періодъ съ 1228 по 1462 годъ изъ около 60 битвъ съ внѣшними врагами выиграно было лишь 23, т. е. пораженія терпѣли почти въ $\frac{2}{3}$ случаевъ (свыше 60%), причѣмъ на сѣверѣ и западѣ (включая Сѣверскую и Смоленскую земли) изъ около 50 сраженій русскіе терпѣли пораженіе почти въ $\frac{3}{4}$ случаевъ (свыше 70%). Даже для воссоединенія чисто русскихъ территорий, не находящихся подъ властью иностранныхъ государствъ, а представлявшихъ самостоятельныя владѣнія, Москвѣ потребовалось болѣе двухъ столѣтій (Тверское, Рязанское княжества, Псковская земля были присоединены только въ самомъ концѣ XV — началѣ XVI вѣка).

Даже переходъ окрѣпшаго русскаго государства къ активной внѣшней политикѣ въ срединѣ XVI вѣка не принёсъ успѣховъ на Западѣ. Если ликвидація ханствъ, оставшихся отъ разложившейся и распавшейся Орды, прошла успѣшно, то столкновенія съ европейскими сосѣдями были болѣе частью безуспѣшны, и если на Востокѣ границы Россіи продвинулись на тысячи километровъ, то на западномъ направленіи продвиженія не только

практически не было, но еще въ началѣ XVII вѣка стоялъ вопросъ о самомъ существованіи Россіи подъ натискомъ Польши и Швеціи. Если къ концу собиранія центральнорусскихъ земель (каковое считается окончательнымъ формированіемъ «русскаго національнаго государства») — въ первой трети XVI вѣка, ко времени царствованія Ивана Грознаго западная граница его проходила подъ Смоленскомъ и Черниговомъ, то столѣтіе спустя (да и еще въ срединѣ XVII вѣка) западная граница Россіи проходила подъ Вязьмой и Можайскомъ. Къ концу Московскаго періода Россія не сумѣла вернуть даже значительную часть земель на Западѣ, которыя входили въ ея составъ еще столѣтіе назадъ. Впитавъ въ успѣшной (за счетъ своей «европейской» сущности) борьбѣ съ Востокомъ слишкомъ большую долю «азиатчины», Россія оказалась неспособной бороться съ европейскими противниками. Достаточно бѣлаго обзора конкретныхъ событій послѣ конца татарскаго ига, чтобы стала очевидной разница въ этомъ отношеніи между Московскимъ и Петербургскимъ періодами.

Несмотря на отдѣльные тактическіе успѣхи, абсолютное большинство войнъ съ западными противниками либо оканчивались ничѣмъ, либо даже сопровождались еще болѣе большими территориальными потерями. На обоихъ стратегическихъ направленіяхъ: попыткахъ пробиться къ Балтійскому побережью и вернуть прибалтійскія земли (до нѣмецкаго завоеванія обоими берегами Западной Двины владѣли полоцкіе князья, которымъ платили дань ливы и летты, эстонская чужь находилась въ зависимости отъ Новгорода и Пскова, а часть Эстляндіи съ городомъ Юрьевомъ непосредственно входила въ составъ Киевской Руси) и вернуть западныя земли, захваченныя Польшей и Литвой послѣ татарскаго нашествія, — за два съ лишнимъ столѣтія успѣхи были болѣе чѣмъ скромными.

Плодотворными для Россіи были только войны съ Литвой: 1500–1503 (возвратившая Сѣверскія земли) и 1513–1522 годовъ (возвратившая Смоленскъ). Всѣ остальные войны (съ Ливонскимъ орденомъ 1480–1482 и 1501, съ Литвой 1507–1509, со Швеціей 1496–1497 и 1554–1556 годовъ) ничего не принесли. Война же съ Литвой 1534–1537 привела къ утратѣ Гомеля (отвоеваннаго было въ 1503 году), а продолжавшаяся четверть вѣка и обезкровившая Россію Ливонская война 1558–1583 годовъ не только не рѣшила поставленной цѣли (выходъ въ Прибалтику), но и привела къ уступкѣ шведамъ Иванъ-города, Яма и Копорья

(шведская война 1590–1593 лишь вернула эти города, возставив положение на середину XVI вѣка). Наконецъ, въ результатѣ войнъ Смутнаго времени съ Польшей въ 1604–1618 годахъ Россія утратила и то, что удалось вернуть отъ Литвы столѣтіе назадъ, а слѣдствіемъ войны со Швеціей въ 1614–1617 годы стала не только новая утрата тѣхъ земель, которыя были потеряны въ Ливонской войнѣ и возвращены въ 1593, но и огромной части Кареліи съ Корелой и полная потеря выхода къ Балтійскому морю. Война съ Польшей 1632–1634 годовъ принесла ничтожные результаты: Смоленскъ такъ и остался у поляковъ, удалось вернуть лишь узкую полосу земли съ Серпейскомъ и Трубчевскомъ. Новая война со Швеціей 1656–1658 годовъ также была безуспѣшной. Даже впечатляющіе поначалу успѣхи русскихъ войскъ въ войнахъ съ Польшей 1654–1655 и 1658–1667 годовъ (въ самыхъ благоприятныхъ условіяхъ — когда Польша почти не существовала, потрясѣнная возстаніемъ 1648–1654 годовъ на Украинѣ и едва не уничтоженная шведскимъ нашествіемъ 1656–1660) послѣ разгрома подъ Конотопомъ въ іюнѣ 1659 года обернулись весьма скромными результатами Андрусовскаго перемирія, по которому Россія вернула только то, что потеряла въ 1618 году (и это послѣ того, какъ русскими войсками была занята почти вся Бѣлоруссія!), а изъ всей освобожденной до Львова и Замостя Украины къ Россіи по Переяславской уніи присоединилось только Лѣвобережье. Въ результатѣ къ концу Московскаго періода, если не считать украинскаго лѣвобережья (присоединѣннаго не завоеваніемъ Москвы, а благодаря движенію малороссовъ), конфигурація западной границы Россіи была хуже, чѣмъ до правленія Ивана Грознаго.

И вотъ въ теченіе одного XVIII столѣтія были не только рѣшены всѣ задачи по возвращенію почти всѣхъ западныхъ русскихъ земель, но Россія вышла къ своимъ естественнымъ границамъ на Чѣрномъ и Балтійскомъ моряхъ. Важнѣйшими вѣхами на этомъ пути было присоединеніе Балтійскаго побережья, Лифляндіи и Эстляндіи въ 1721, возвращеніе сѣверной и восточной Бѣлоруссіи въ 1773, выходъ на Черноморское побережье по результатамъ турецкихъ войнъ 1768–1774 и 1787–1790 годовъ, ликвидація хищнаго Крымскаго ханства въ 1783, возвращеніе южной Бѣлоруссіи, Вольни и Подоліи въ 1793 и присоединеніе Курляндіи и Литвы въ 1795 году. Въ теченіе болѣе полутора столѣтій российское оружіе не знало поражений, и (за единствен-

нымъ исключеніемъ неудачнаго Прутскаго похода 1711 года) каждая новая война была побѣдоносной. Въ цѣломъ можно сказать, что въ Московскій періодъ, несмотря на отдѣльные успѣхи, внѣшняя политика была безуспѣшной, въ Петербургскій же — наоборотъ: несмотря на отдѣльныя неудачи, въ цѣломъ исключительно успѣшной. Европейская территорія страны и ея населеніе практически удвоились по сравненію съ допетровскимъ временемъ, и только это обстоятельство позволило Россіи играть въ мірѣ ту роль, которую она въ дальнѣйшемъ играла.

Расширеніе территоріи имперіи въ XIX вѣкѣ не было ни ирраціональнымъ, ни случайнымъ, а преслѣдовало цѣль достиженія естественныхъ границъ на всѣхъ направленіяхъ. Въ Европѣ ея територіальный ростъ завершился съ окончаніемъ наполеоновскихъ войнъ, когда былъ созданъ такой міропорядокъ, въ которомъ Россія играла первенствующую роль. Приобрѣтеніе присоединѣнныхъ тогда территорій (Финляндіи въ 1809, Бессарабіи въ 1812 и значительной части собственно польскихъ земель въ качествѣ Царства Польскаго въ 1815 году) часто считаютъ излишнимъ и даже вреднымъ для судебъ Россіи. Однако Бессарабія относится къ территоріямъ, входившимъ ещё въ составъ Кіевской Руси, а присоединеніе Финляндіи при крайне важномъ и выгодномъ геополитическомъ положеніи (сочетающемся съ крайней малочисленностью ея населенія) ничего, кромѣ пользы, принести не могло. (Если что и было ошибкой, то развѣ что предоставленіе ей неоправданно широкихъ правъ, позволившихъ въ началѣ XX вѣка превратиться въ убѣжище для подрывныхъ элементовъ, да присоединеніе къ ней вошедшей въ составъ Россіи ещё при Петрѣ и Елизаветѣ давно обрусѣвшей Выборгской губерніи.) Что касается Польши, то ея включеніе въ составъ имперіи вытекало изъ общеевропейскаго порядка, возглавлявшагося Священнымъ Союзомъ: существованіе независимой Польши означало бы провоцированіе Россіей ея претензій на польскія земли въ Австріи и Пруссіи, чего Россія при томъ значеніи, которое она придавала Союзу, допустить, конечно, не могла.

Другой вопросъ, вѣрной ли была ставка на союзъ съ германскими монархіями въ принципѣ. Но, какъ бы на него ни отвѣчать исходя изъ опыта XX вѣка, тогда у російскаго руководства не было никакихъ основаній предпочитать ему любой другой. Исходя изъ реалій того времени не было абсолютно никакихъ возможностей предвидѣть, какъ развернутся событія въ концѣ

столѣтія и ту эгоистичную и недалёковидную позицію, которую займутъ тогда эти монархіи. Даже въ началѣ XX вѣка П. Н. Дурново былъ очень недалёкъ отъ истины, когда утверждалъ въ своей извѣстной запискѣ, что объективно интересы Россіи нигдѣ не пересѣкаются съ германскими, тогда какъ съ англійскими пересѣкаются вездѣ. Тѣмъ болѣе это было вѣрнымъ для первой половины XIX вѣка (что вскорѣ подтвердила Крымская война). Теперь, разумѣется, можно считать ошибкой и даже первопричиной всѣхъ дальнѣйшихъ неудачъ російской политики спасеніе Австріи въ 1848 году (распадись тогда Австрія, Россія имѣла бы свободу рукъ на Балканахъ, не проиграла бы Крымскую войну, не вынуждена была бы дѣлать уступки въ 1878 и т. д.). Однако Николай I, помимо рыцарственности своей натуры и вѣрности принципамъ легитимизма, исходилъ изъ тѣхъ же стратегическихъ соображеній, которыя лежали въ основѣ Священнаго Союза и не были исчерпаны къ тому времени (въ концѣ концовъ недалёковидная политика отошедшей отъ этихъ соображеній Австріи обернулась и ея собственной гибелью). Такъ что ошибку сдѣлала тогда не Россія, её сдѣлала Австрія, а позже и Германія, предавъ Россію на Берлинскомъ конгрессѣ (что и привело Россію къ союзу съ противниками Германіи и Австріи и обусловило тотъ раскладъ враждующихъ силъ, который сформировался къ Мировой войнѣ на бѣду всѣхъ бывшихъ членовъ Священнаго Союза).

На Югѣ, гдѣ Россіи противостояли Турція и Иранъ, ея естественнымъ рубежомъ является, конечно, Кавказъ. Причѣмъ существованіе единовѣрныхъ Арменіи и Грузіи, въ теченіе столѣтій третируемыхъ мусульманскими завоевателями, диктовало необходимость какъ включенія ихъ въ составъ имперіи (тѣмъ болѣе ими желаемаго), такъ и обезпеченія непрерывной связи съ этими территориями. Что, въ свою очередь, предполагало установленіе контроля надъ горскими народами Кавказа. Да и въ любомъ случаѣ недопустимо было бы оставлять Сѣверный Кавказъ внѣ сферы російскаго контроля, ибо онъ неминуемо превратился бы въ антиросійскій плацдармъ турецкой агрессіи, угрожающій всему Югу Россіи. Никакихъ иныхъ соображеній завоеваніе Кавказа не имѣло, и осуществленіе этой задачи къ 60^{мъ} годамъ XIX вѣка окончательно сдѣлало неприступными южные рубежи страны. Полный контроль надъ Каспіемъ (куда совершались походы ещё во времена Кіевской Руси), казавшійся столѣтьями вѣчнымъ въ первой половинѣ XVIII вѣка, спустя столѣтіе —

съ ослабленіемъ Ирана (когда онъ послѣ пораженія въ войнѣ 1826–1828 годовъ пересталъ представлять какую-либо угрозу Россіи, но, наоборотъ, сохранилъ значеніе какъ противовѣсъ Турціи) утратилъ свою актуальность. Поэтому Россія съ тѣхъ поръ не пыталась продвинуться дальше Ленкорани.

Продвиженіе Россіи въ Среднюю Азію первоначально вызывалось главнымъ образомъ необходимостью болѣе эффективной защиты отъ набѣговъ кочевниковъ на Уральско-Сибирскую линію, въ основныхъ чертахъ сложившуюся ещё въ Московскій періодъ съ освоеніемъ Сибири и защитой той части казахскихъ родовъ, которые ещё въ XVIII вѣкѣ находились въ російскомъ подданствѣ, отъ набѣговъ и притѣсненій Кокандскаго ханства. Но въ любомъ случаѣ великая держава не могла долго терпѣть сосѣдства съ хищническими, практически «пиратскими» образованіями, каковыми были Кокандское ханство и Бухарскій эмиратъ, промышлявшими работорговлей, объектомъ коей становилось русское населеніе Урало-Сибирской линіи. Естественными рубежами Россіи въ Азій были бы ея границы съ другими большими государствами, имѣвшими длительную традицію историческаго существованія и исторически сложившіяся устойчивыя границы. Таковыми и были Китай, Иранъ и Афганистанъ, чьи сѣверныя границы сложились задолго до продвиженія къ нимъ Россіи. И характерно, что, приблизившись къ нимъ во второй половинѣ XIX вѣка вплотную, Россія не оспаривала ихъ и, за исключеніемъ обычныхъ пограничныхъ инцидентовъ (типа спровоцированнаго англичанами у Кушки), ни съ кѣмъ изъ этихъ государствъ войнъ не вела (это же касается въ равной мѣрѣ и Дальняго Востока, гдѣ Пріамурье и Приморье были закрѣплены за Россіей договорами безъ войны). А всё то, что находилось между ними и Россіей, не имѣло ни устойчивой государственной традиціи, ни зачастую вообще признаковъ государственности (обширныя территоріи закаспійскихъ пустынь и части казахстанскихъ степей были вообще практически незаселѣнными, «ничейными») и рано или поздно должно было стать объектомъ экспансіи если не Россіи, то Китая.

Однако на продвиженіе въ южную часть Средней Азій въ огромной степени повліяло и другое обстоятельство. Вторая половина XIX вѣка остро поставила вопросъ объ англо-русскомъ соперничествѣ, и политическая принадлежность Средней Азій приобрѣла съ этой точки зрѣнія огромное значеніе. Вопросъ

стоять так: или Россія, владѣя этимъ региономъ, будетъ угрожать англійскому вліянню въ Афганистанъ и Иранъ и непосредственно англійскимъ владѣніямъ въ Индіи (и дѣйствительно, кошмаръ возможнаго російскаго вторженія въ самую драгоцѣнную часть британской имперіи даже незначительными силами, что повлекло бы волну возстаній, постоянно преслѣдовала англійскія власти), — или Англія, прибравъ къ рукамъ среднеазиатскихъ властителей, получить возможность нанести ударъ въ самое подбрюшье Россіи, разсѣкая её надвое и отсѣкая отъ нея Сибирь (что произошло бы въ случаѣ успѣха попытокъ поднять противъ Россіи уральскихъ и поволжскихъ мусульманъ). То, что Россія опередила Англію, начисто исключивъ неблагополучный для себя сценарій, послужило ещё одной опорой ея роли въ мірѣ.

Въ результатѣ выхода къ своимъ естественнымъ границамъ, завершённаго къ концу XIX вѣка, Россія обрѣла исключительно выгодное геополитическое положеніе. Теперь она могла угрожать всѣмъ своимъ гипотетическимъ противникамъ изъ числа великихъ европейскихъ державъ на всѣхъ направленіяхъ. Австріи — угрозой провоцированія прорусскихъ выступленій ея славянскаго населенія (что вполне проявилось въ ходѣ Мировой войны), Германіи — угрозой предоставленія независимости русской Польшѣ и обращенія претензій послѣдней на исконно польскія земли Германіи (именно такое рѣшеніе было принято въ 1914 году съ началомъ войны), и даже для давленія на «труднодостижимую» Англію теперь имѣлся мощный рычагъ (съ Франціей у Россіи не было геополитическихъ противорѣчій). Въ отличіе отъ другихъ европейскихъ державъ, колониальныя имперіи которыхъ были разбросаны по всему міру и были какъ абсолютно чужды имъ по исторіи и культурѣ, такъ и крайне уязвимы для противниковъ, не имѣя сухопутной связи съ метрополіей, Россія представляла собой компактно расположенное государство, окраинныя территоріи котораго, даже чуждыя культурно и этнически, имѣли давнія, часто многовѣковыя, связи и контакты съ русскимъ ядромъ. Россія не пыталась ни навязывать населенію этихъ территорій свои обычаи и культуру, ни переплавлять ихъ «въ единомъ котлѣ» (напротивъ, при малѣйшей возможности предоставляя имъ, какъ Хивѣ и Бухарѣ, управляться своими традиционными правителями). Характерно, что она при этомъ практически не имѣла серьёзныхъ проблемъ со своими азіатскими владѣніями (единственное серьёзное выступленіе — возстаніе

1916 года, было даже въ условіяхъ военнаго напряженія легко подавлено). Такъ что, несмотря на отдѣльныя издержки, территориальный ростъ имперіи былъ важнѣйшимъ источникомъ ея силы и могущества. Безъ него она не выдержала бы конкуренціи европейскихъ державъ ещё въ XVIII вѣкѣ.

Изображать стремленіе къ государственному величію и территориальному росту въ качествѣ нѣкоторой негативной особенности Россіи весьма странно. Россія, естественно расширявшая свои владѣнія за счётъ окраинныхъ территорій, населеніе которыхъ составляло незначительное меньшинство по отношенію къ ея историческому славянскому ядру, выглядит достаточно блѣдно на фонѣ другихъ европейскихъ странъ, захватившихъ огромныя территоріи, находившіяся за многія тысячи километровъ отъ метрополіи и съ населеніемъ, въ нѣсколько разъ превышавшимъ населеніе самой метрополіи, и создававшихъ имперіи, «надъ которыми никогда не заходитъ солнце». Точно такъ же трепетное отношеніе, скажемъ, французамъ къ своей военной славѣ, всякое «Германія превыше всего», «Правъ, Британія!» и т. д. обычно не служитъ поводомъ для опредѣленія соотвѣтствующей государственности какъ особо агрессивной. Тѣмъ болѣе что въ ходѣ экспансіи Россіи не доводилось насильственно уничтожать какую-либо національную государственность (хищныя азіатскія ханства таковую не представляли): народности, вошедшія въ ея составъ (за исключеніемъ добровольно присоединившейся Грузіи), либо никогда не имѣли собственной государственности, либо утратили её ещё ранѣе, войдя въ составъ или будучи завоёванными иными государствами.

Замѣтимъ также, что объединеніе православія и коммунизма подъ маркой «судьбоносной мировой роли» Россіи и предмета ея мессианскихъ поползновеній ещё менѣе основательно, такъ какъ (не говоря о томъ, что претензій на «всемирность» у того же католицизма явно больше) російская государственность никогда не помышляла принести православіе (свою собственную идеологию) на штыкахъ въ Европу, тогда какъ коммунистическая идея (не только не являющаяся принадлежностью російской государственности, но ей антагонистичная) неразрывно связана съ мировой революціей и немыслима внѣ ея.

формы и были подкреплены авторитетомъ самыхъ популярныхъ поэтовъ. Тотъ же Маяковский людей, которые пытались сохранить хоть какую-то память о дореволюціонной жизни — «то царёвъ горшокъ берегутъ, то обломанный шкафъ съ инкрустаціями», — именовалъ «слизью» и утѣшалъ «братишекъ», удрученъ-ныхъ существованіемъ такой «слизи»: «Вы — владыки ихъ душъ и тѣла, съ вашей воли встрѣчаютъ восходъ. Это — очень плѣвое дѣло... эту мелочь списать въ расходъ». Собственно, «въ расходъ» и списывали: въ 1929 году мишенью очередной кампаніи противъ «вредителей» стали именно академическіе историки, часть которыхъ была разстрѣляна, а часть сослана.

Понятіе отечества (котораго при капитализмѣ пролетаріатъ, какъ извѣстно, не имѣетъ) было перенесено на социализмъ — «соціалистическое отечество», то есть отечество, родина социализма, оно же — подлинное отечество «для трудящихся всѣхъ странъ», имѣющее развернуться въ «Земшарную республику Совѣтовъ». Когда обнаруживается, что стихи «Но мы ещё дойдёмъ до Ганга, но мы ещё умрёмъ въ бояхъ, чтобъ отъ Японіи до Англіи сіяла родина моя!» писалъ вовсе не какой-нибудь русскій Киплингъ, а человѣкъ, чьему перу принадлежать извѣстные строки: «Я предлагаю Минина расплавить, Пожарскаго... Зачѣмъ имъ пьедесталь?... Подумаешь, они спасли Россію. А можетъ, лучше было не спасать?», становится совершенно ясно, что за «родина» имѣется въ виду. Въ такой системѣ цѣнностей національно-государственному патриотизму не оставалось мѣста, и ещё на протяженіи многихъ лѣтъ послѣ окончанія Гражданской войны онъ оставался браннымъ словомъ (до тѣхъ поръ, пока не стало очевиднымъ, что міровую революцію придѣтся отложить). Когда же самъ терминъ «патриотизмъ» пришлось срочно реабилитировать, ему былъ пришитъ постоянный эпитетъ «совѣтскій», предотвращавшій ассоціаціи съ патриотизмомъ «неправильнымъ». Воспитанная партіей интеллигенція, въ свою очередь формирующая общественное сознание, такъ съ этимъ до «перестройки» и дошла: совѣтскій патриотизмъ лучше русско-россійскаго, а если патриотизмъ плохъ какъ таковой, то «реакціонный» — завѣдомо хуже совѣтскаго.

1991. ЧТО ЭТО БЫЛО

ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЙ
РАСПАДЪ

ПРИШЛА ЛИ
КЪ ВЛАСТИ ВЪ РОССІИ
НОВАЯ ЭЛИТА?

3.

Невостребованное наследіе

«ПОСТСОВЕТСКАЯ»
ВЛАСТЬ И ВЫБОРЪ
ПРАВОПРЕЕМСТВА

ИДЕОЛОГІЯ
«НОВОЙ РОССІИ»

1991. ЧТО ЭТО БЫЛО

Въ сущности, вся исторія Совдепіи есть исторія отказа (съ отливами и приливами) отъ наиболѣе одіозныхъ положеній породившей её идеологии: отъ попытокъ введенія коммунизма по Манифесту (вплоть до поползновеній къ обобществленію жёнъ) и немедленнаго мірового пожара — къ «социализму въ одной странѣ» и квазигосударственнымъ институціямъ, затѣмъ, когда припекло, — къ запрягиванію въ карманъ Коминтерна и вытаскиванію «великихъ предковъ», ещё позже къ экономическому стимулированію; наконецъ, правящему слою захотѣлось самимъ изобразить нормальныхъ людей. Естественно, что всякій разъ въ выигрышъ оказывались властные группировки, быстрѣе осознававшія необходимость приспособленія къ жизни.

Родовыя черты совѣтской системы — противоестественность, неэффективность и, соотвѣтственно, неконкурентоспособность — не оставляли ей шанса на сколько-нибудь длительное (по историческимъ мѣркамъ) существованіе (благодаря нѣкоторымъ благоприятнымъ для себя ситуативнымъ обстоятельствамъ она даже нѣсколько превысила ожидаемый срокъ своего существованія лѣтъ на 10–15). Это въ созданной послѣ кровавой

революційної бани обстановки тотального контролю і терору з неограниченими можливостями безальтернативної промивки мозків можна було на деяке время компенсувати неефективність соціалізму його безплатністю. Но, як вийти з цієї ситуації (в силу смертності його носителя) сталінізм, так з кінцем сталінізму була обречена радянська система в своєму звичному вигляді. Дилемма-то завжди залишалася такою ж, як в своє время з НЭПом: повинен був закінчитися або він, або радянська влада. Но тоді, хоча допущені капіталістичні елементи були справжні, влада ще не мала можливості убачитися в маршальності своєї ідеології, і закінчився, природно, НЭП (і задуманий лише як тимчасове відхилення). Тепер же, коли вона вповні в цьому убачилася, в ролі цих елементів (за відсутністю справжніх) виступила вона сама, звідси він може тривати дуже довго, вперді до повної ліквідації радянського успадкування, поки не будуть відкинуті і залишкові глупості.

Во всіх європейських країнах і навіть в деяких з них після ліквідації комуністических режимів супроводжувався відновленням прямого успадкування з перерваної комуністическим панством попередньої державності (навіть в тих випадках, коли попередня була дуже ефемерною, як в Прибалтиці, де існувала всього 20 років). В Росії не тільки не сталося чогось подібного, но і питання про це навіть не ставилося (і не ставилося до цих пір). Серед декількох сотень осіб, представлялих в 1991 році політичну еліту, було достатньо таких, які залишилися вірні обанкротившійся ідеології, знайшлося багато тих, хто радісно брався відправляти «нову Росію» як би з чистого аркуша на базі сучасного зарубіжного досвіду, но не виявилось **нікого**, хто б взявся повернутися до вітчизняному до-радянському успадкуванню і спробувати з'єднати розірвану нитку успадкування з **своєю** докомуністическою державністю.

Прийнявши, передбачивши невідомі потреби російської державної традиції (які будуть розглянуті нижче), можна, як представляється, звести до чотирьох основних факторів: територіальний розпад, збереження влади попередньої еліти, стан суспільної свідомості і зовнішньополітичні умови. Однак о дії цих факто-

рів можливо говорити тільки тому, що події 1991 року не були тим, чим їх звичайно представляють як сторонники, так і противники «новій Росії».

Звичайний розбір «недоліків» переходу до ринкової економіки, констатує деякі очевидні речі (поспішна роздача найбільш прибутливих сировинних об'єктів, ваучеризація, незахищеність малого бізнесу і т. д.), як би виходить з того, що існував якийсь свідомий план по поверненню країни на шлях нормального розвитку з метою збільшення її благополуччя і об'єднання пристойного класу при збереженні державного величчя і ролі в світі, но ось «неправильними» людьми були здійснені «неправильні» дії, чому так все і вийшло. Однак в країні не було людей, мислячих подібним чином, і цілей таких на самому ділі ніхто і не ставив. Якщо б «перехід від соціалізму до капіталізму» здійснювали у нас не обалдівши від відкритих можливостей багатства номенклатура другого ешелону, професійні злочинці і недоліки гайдаровського розливу, а раптом звідси-то взявшіся люди з мінімально державним мисленням, то, природно, це сталося б спочатку в відносно закритій системі, а не в умовах форточки, через яку швидко «видуло» великі капітали. Це вимагало б, природно, більш тривалого часу; якщо вкладувати отримані кошти приходилося б всередині країни, а не вивозити для придбання нерухомості за її межі, для їх отримувачів це було б не так цікаво і приємно, но результат був би в будь-якому випадку не той, що вийшов.

Почавшіся в кінці 80-х процеси теоретично, природно, могли мати різні результати: збереження як радянської ідейної успадкування, так і єдності країни, ліквідація цього успадкування при збереженні єдності країни, така ж ліквідація, но цінної розпаду країни. Однак в дійсності, враховуючи те, чим ми прийшли до «перестройки», був можливий тільки той, який і відбувся: і країну розвалили, і від радянського успадкування не звільнилися. Ніякої революції (вірніше, контрреволюції) ні в 1991, ні в 1993 році не сталося, і не схоже, щоб кохто-то був в ній зацікавлений. Об'єднує сили подій — і «передвинута» частина радянської номенклатури, жадуща відкинути деякі обмежувальні для себе

ограниченія (волею которой разворачивались событія изнутри), и лидеры «демократического движенія» (обеспечивавшіе наружное оформленіе этихъ событій) — оставались вполне совѣтскими, не заинтересованными и не помышлявшими о принципиальномъ разрывѣ съ наслѣдіемъ совѣтской власти. Первымъ оно служило какъ привычное управленческое подспорье и какъ средство завоеванія если не популярности, то терпимости къ своей власти со стороны большинства населенія, сохранявшаго приверженность къ вбитымъ съ дѣтства представленіямъ. Вторые видѣли въ этомъ наслѣдіи альтернативу «національно-патріотическимъ» и «реакціоннымъ» тенденціямъ, которыя были имъ ненавистны гораздо болѣе совѣтско-коммунистическихъ.

Даже заимствованіе нѣкоторыхъ атрибутовъ досовѣтской государственности произошло достаточно случайно (въ наиболее острый моментъ какой-то символъ надо же было противопоставить прежнему какъ знакъ переменъ), и ихъ нѣсколько стѣснялись (ещѣ за годъ до принятія російскаго триколора онъ въ этихъ кругахъ разсматривался какъ флагъ «Памяти»; переименованіе Ленинграда — тоже инициатива вовсе не Собчака, которому «на волнѣ» событій просто трудно было ей противиться). Болѣе всего они опасались какъ разъ стихійныхъ антикоммунистическихъ настроеній и приложили огромныя усилія, чтобы не дать имъ развиваться. Позже они не стѣнялись объ этомъ вспоминать: «Вышелъ съ авоськой на Тверскую и увидѣлъ медленно идущую по осевой къ Манежу длинную цѣпочку людей съ Володией Боксѣромъ во главѣ. Первыми въ цѣпочкѣ шли крѣпкіе ребята въ камуфляжѣ безъ знаковъ различія. Поздоровался съ Володией, и выяснилось, что это отрядъ защитниковъ Бѣлаго Дома идѣтъ брать подъ охрану памятники вождямъ коммунизма въ центрѣ Москвы, „чтобы ихъ не поносили, какъ Феликса, а то казаки уже Свердлову приговорили“». (Свердловымъ, какъ извѣстно, пришлось пожертвовать, но на томъ всё и кончилось; въ толпахъ народа тогда шныряли люди, увѣрявшіе, что «уже принято рѣшеніе» о Мавзолеѣ и прочемъ и ничего дѣлать не надо.) Такъ что побѣдители ГКЧП менѣе всего желали разрыва съ совѣтской властью и ликвидациі ея наслѣдія. Событія же, развивавшіяся подъ давленіемъ этихъ силъ, закономѣрно привели къ тому, что вскорѣ исчезли и, такъ сказать, «матеріальныя» основанія для обращенія къ традиціи исторической Россіи, т. к. рассыпалась само нѣкогда составлявшее её пространство.

ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЙ РАСПАДЪ

Когда въ ходѣ перестройки и предшествующихъ лѣтъ деградациі совѣтскаго режима становился всё болѣе очевиднымъ грядущій крахъ коммунистической идеи, въ нѣкоторыхъ кругахъ внутри и внѣ страны весьма обезпечились возможностью замѣны ея идеологіей «россійскаго имперіализма», для котораго, пока территория страны сохраняла государственное единство (хотя бы и подъ коммунистической властью), — сохранялись и соотвѣтствующія предпосылки. Поэтому они торопились разрушить тѣло страны прежде, чѣмъ оно вновь обрѣтѣтъ свою душу. Какъ протекалъ этотъ процессъ, кто и что говорилъ на различныхъ его этапахъ, теперь уже забыто. Но для того, чтобы стало вполне понятно, почему его исходъ былъ такимъ, какимъ былъ, о нѣкоторыхъ типичныхъ чертахъ происходившаго слѣдуетъ напомнить. Результатъ наложенія на базовыя совѣтскія представленія «перестроечныхъ» въ общественномъ сознаніи былъ таковъ, что на территориальную дезинтеграцію страны работали практически всё представленныя тогда идейно-политическія направленія: горбачѣвское руководство, покровительствуя сепаратизму, видѣло себя во главѣ чего-то типа «соціалистическаго ЕЭС», сепаратисты дѣлали свое дѣло, коммунистическіе ортодоксы, связывая единство страны съ собой и коммунистическимъ маразмомъ, вызывали неприязнь къ такому единству, русскіе націоналисты алкали «своей республики». Позиція «противъ коммунизма — за единство страны» выглядѣла тогда совершенно экзотической и практически не была представлена не только въ политикѣ, но и въ публицистикѣ.

Призывы къ дезинтеграціи страны стали настойчиво повторяться въ совѣтской прессѣ съ 1988 года, когда на окраинахъ страны всерьѣзъ развернулось сепаратистское движеніе, и у глашатаевъ раздѣла появилась реальная надежда не сѣсть въ лужу со своими пророчествами и рекомендаціями. По мѣрѣ того какъ становилась очевидной попустительская позиція московскихъ властей по отношенію къ прибалтійскимъ и другимъ націоналистамъ, «антиимперскія» выступленія въ центральной прессѣ становились всё радикальнѣе. Разсуждали уже о необходимости «разукрупненія» самой РСФСР. Вскорѣ идея «разрушенія имперіи» сдѣлалась общимъ мѣстомъ въ выступленіяхъ «лѣвыхъ

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие.	4
Введеніє.	6
1. Російська імперія як реальність. . .	14
Територія.	17
Європейський контекст.	26
Влада (авторитаризм и тоталитаризм). . . .	41
Еліта	72
2. Прервана традиція	
Мірова революція проти російської державності	105
«Земшарна республіка» замість «Єдиної и Неділимой»	124
Розрив правопремства	149
Заміна культурного шару	157

3. Невостребованное наслідіє	
1991. Що це було.	205
Територіальний розпад	209
Пришла ли к власти в России новая элита? . .	226
«Постсовѣтская» влада и виборь правопремства	239
Ідеологія «нової Росії».	249
4. Новодѣль	
«Постсовѣтская» державність на новому етапі	290
Ідеологія и практика «возрожденія».	295
Общественные настроєнія	331
«Імперіалізм» без імперії	345
Заключеніє	363

Сергій Володимірович ВОЛКОВЪ
Почему РФ — не Россія

Оформленіе переплѣта Оѣдоръ Максимовичъ Холодилинь
Техническій редакторъ, вѣрстка Тимуръ Руслановичъ Вѣнковъ
Корректура Михаилъ Спартакoвичъ Тейкинъ

Вы прочитали ознакомительный фрагментъ книги Сергѣя
Владиміровича Волкова «Почему РФ — не Россія». В полной
версіи книги 384 страницы.

Приобрести книгу можно на сайте издательства:

chernaya100.com

Выпускъ подготовленъ командой
интерактивного издательства «Чѣрная Сотня»
совмѣстно съ «Новымъ Временемъ».

Главный редакторъ «Чѣрной Сотни»
Дмитрій Николаевичъ Бастрaковъ

Главный редакторъ «Нoвoгo Времeни»
Михаилъ Спартакoвичъ Тейкинъ

Сайтъ и магазинъ:

chernaya100.com

Телеграмъ каналъ:

t.me/chernaya100.com

Сообщество ВъКонтактъ:

vk.com/chernaya100

